

Проблема «лакуны цивилизованности» в монголо-китайских отношениях.

Научный руководитель – Данилович Мария Владимировна

Степаненко Дарья Владимировна

Студент (специалист)

Белорусский государственный университет, Факультет международных отношений,

Кафедра международных отношений, Минск, Беларусь

E-mail: darya.stepanenko@gmail.com

Автору представленных тезисов хотелось бы реализовать две задачи: во-первых, продемонстрировать потенциал конструктивистского подхода для изучения отношений Монголии и Китайской Народной Республики; и, во-вторых, представить авторскую «цивилизационную» концепцию, способную дополнить исследовательский инструментарий вышеуказанного научного поля.

Согласно конструктивистской теории, международные отношения являются продуктом социального конструирования. Внешняя политика государств формируется под воздействием культур, идентичностей, нарративов, норм и т. д. «Идентичность» является одним из важнейших понятий конструктивистской теории. Согласно Т. Хопфу, «идентичность - это то, как человек понимает себя по отношению к другим» [Хопф, 2016, с. 6]. Данное определение экстраполируется также на уровень национальных государств.

В контексте исследования отношений Монголии и КНР, автору кажется необходимым изучение взаимосвязи «идентичности» и «цивилизации». Нидерландский ученый Э. де Фреде связывает эти два понятия и утверждает, что «идентичность является интернализацией цивилизации» [Фреде, 2012, с. 18]. То, что Китай является крупнейшей непрерывно развивающейся цивилизацией, артикулируется китайскими чиновниками всех уровней. Монголия же, обладая яркой и самобытной идентичностью (являющейся отражением ее принадлежности к соответствующей цивилизационной общности), предстает «лакуной цивилизованности» перед Китаем. Так, «лакуна цивилизованности», на взгляд автора, - это, прежде всего, образ восприятия, а также, подобно совокупному «Востоку» в «Ориентализме» у Э. Саида, - плод культурной и идеологической репрезентации. В китайском языке иероглиф «méng» в слове «Ménggǔ» - Монголия, обозначает «невежественный», а северо-западное направление всегда представляло опасность в свете «варварских» нашествий. То есть, представителям китайской цивилизации Монголия всегда казалась «недоцивилизацией». Предположение о естественном заполнении монгольской «лакуны цивилизованности» ближайшей к ней «цивилизационностью» кажется очевидным.

Проведя аналитический обзор работ классиков цивилизационного подхода, политолог и востоковед А. С. Железняков приходит к выводу, что «Монголия с окружающей ее Внутренней Азией не включена ни в один известный перечень мировых цивилизаций», а в научных трудах она была представлена «либо в качестве пассивного объекта проникновения цивилизационных потоков извне, либо вообще исключалась из цивилизационного процесса» [Железняков, 2009, с. 73]. Однако А. А. Грицанов указывает, что распространение понятия «цивилизация» в XVIII в. было предопределено осознанием того, что культура любого общества представляет собственную самобытную и самоценную систему научного знания, литературы, моральных и правовых норм [1]. Таким образом, цивилизация - это «набор культурных программ, реализовавшийся в облике самодостаточного и уникального общественного организма» [Грицанов, 2001, с. 1170-1171]. Монголия, если следовать обозначенной логике, подобным «организмом» является.

Тезис о Монголии как «пассивном объекте проникновения цивилизационных потоков извне» иллюстрируют формат сотрудничества с северным соседом Монголии и его плоды в XX в., и отношения с КНР в XXI в. Несмотря на положительные декларативные политические заявления руководства КНР, в массовом сознании китайцев Монголия является «ушедшей» территорией. Китайские географические карты с Монголией, включенной в состав Китая, а также псевдонаучные публикации, оправдывающие китайские притязания, являются тому примером [4]. Китай не может осуществлять какие-либо действия, посягающие на территориальный суверенитет Монголии, однако желание вернуть ушедшую территорию компенсируется экономическим доминированием Китая в Монголии. В свою очередь, в монгольском обществе преобладает негативное отношение, недоверие к Китаю и китайцам, что подтверждается результатами социологических опросов [7]. В Монголии осознают угрозу со стороны юго-восточного соседа.

Вопросы безопасности Монголии возникают в сфере экономики, демографии и культуры, которым Концепцией национальной безопасности Монголии придается чрезвычайная важность. В. А. Родионов отмечает, что «учитывая растущую роль в мировой политике финансово-хозяйственной формы контроля над пространством, которая неуклонно усиливается по мере возрастающего воздействия экономики на все структуры современных обществ, именно экономическую экспансию Китая можно рассматривать в качестве главного вызова безопасности Монголии» [Родионов, 2009, с. 166]. Миграция китайских граждан в Монголию, является другим противоречивым аспектом в отношении двух стран. По данным ЮНИСЕФ за 2013 год, из 14621 иммигрировавших в Монголию китайцы составили большинство - 9163 человека [8]. Что касается культурной сферы, то отмечают результаты применения китайцами «мягкой силы» - открытие институтов Конфуция, предоставления стипендий молодым монголам на обучение в КНР приводят к неизбежному внедрению «китайского» в культурную и академическую жизнь Монголии. Вместе с тем, имеют место «китайские интервенции в культурное наследие монголов» [Терентьев, 2016, с. 154]. Так, вышеописанное иллюстрирует, как Китай естественно пытается заполнить монгольскую «лауну цивилизованности» доступными для него способами.

На взгляд автора, концепция «лауны цивилизованности» способна объяснять взаимоотношения не только Монголии и Китая, но может послужить линзой для рассмотрения исторических и актуальных событий в иных регионах мира.

Источники и литература

- 1) Грицанов А.А. Цивилизация // Новейший философский словарь. Минск, 2001. С. 1170–1171.
- 2) Железняков А.С.. Монгольский полюс политического устройства мира. М., 2009.
- 3) Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в XXI веке. М., 2009.
- 4) Терентьев В.И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. No. 406. С. 152–157.
- 5) Фреде де Э. Культура, цивилизация и идентичность // Полис. Политические исследования. 2012. No. 5. С. 17–23.
- 6) Hopf T. Constructivism, identity, and IR theory // Making identity count. Building a national identity database. Oxford, 2016. P. 3–19.
- 7) Reeves J. Chinese foreign relations with weak peripheral states: asymmetrical economic power and insecurity. Abingdon, Oxon ; New York, NY, 2016.
- 8) UNICEF Mongolia Migration Profile: <https://esa.un.org/migmgprofiles/indicators/files/Mongolia.pdf>.